

В. Е. Медведев✉, **О. В. Мальцева**

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

Фигурка птицы с Амура – образец религиозно-мифологических представлений ульчей

В статье вводится в научный оборот уникальный предмет, выявленный в 1968 г. близ с. Мариинское Хабаровского края и, вероятно, происходящий из погребального комплекса заброшенного ульчского стойбища Удан. Изделие представляет собой фигурку птицы в позе полета, изготовленную из тонких металлических пластин, образующих, видимо, «скелетный» каркас с выступами на спине в виде плоских антропоморфных фигурок. Особенности оформления находки сближают ее с орнитоморфными образами, глубоко укорененными в ритуально-мифологических традициях народов Нижнего Приамурья. Параллели с изображениями из неолитических и средневековых памятников региона – Гася, Сакачи-Алян, Сучу, Тахта, Болонь-Остров, Корсаково и др., указывают на древний пласт ее семантики, связанный с идеями первотворения и почитанием предков. Этнографические и фольклорные данные раскрывают роль птицы как демиурга, помощника шамана, воплощения души и демонической сущности. Эти аспекты сакральной природы птицы находят отражение в космогонических мифах; похоронной, родильной и шаманской обрядности; культах «кормления воды». Типологическое сходство этих образов с водоплавающими птицами (гагарой, уткой) и кукушкой, традиционно значимыми для культур Дальнего Востока, Сибири и Севера, свидетельствует о глубоких связях между этими регионами.

Ключевые слова: Нижнее Приамурье, памятники археологии, ульчи, орнитоморфный образ, гадара, кукушка, мифология, обрядность, шаман, этнокультурные параллели.

V. E. Medvedev✉, **O. V. Maltseva**

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia

E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

Bird Figurine from the Amur River as an Example of the Ulchi Religious and Mythological Beliefs

This article discusses a unique artifact discovered in 1968 near the village of Mariinskoe in Khabarovsk Krai, which could have originated from a burial complex at the abandoned Ulchi settlement of Udan. The artifact is a figurine of a bird in flight, made of thin metal plates which form a “skeletal” frame with protrusions on the back in the form of flat anthropomorphic figurines. The find shows close resemblance to ornithomorphic imagery deeply rooted in the ritual and mythological traditions of the peoples living in the Lower Amur region. Parallels with representations from the Neolithic and Medieval sites, such as Gasya, Sakachi-Alyan, Suchu, Takhta, Bolon-Ostrov, Korsakovo, and others, indicate ancient semantics of such imagery, associated with beliefs about primordial creation and ancestor worship. The data of ethnography and folklore reveals the role of the bird as a demiurge, shaman’s assistant, embodiment of the soul, and demonic entity. These aspects of bird’s sacred nature are reflected in cosmogonic myths, funeral, shamanic and birth rituals, and “water-feeding” rites. The typological similarity of these images to waterfowl (loon, duck) and the cuckoo – traditionally important for the cultures of the Far East, Siberia, and the North – confirm deep ties between these regions.

Keywords: Lower Amur, archaeological sites, Ulchi, ornithomorphic imagery, loon, cuckoo, mythology, rituals, shaman, ethnic and cultural parallels.

Данная статья посвящена рассмотрению неординарного предмета – металлической фигурки птицы, снабженной дополнительными компонентами, имеющейся в корпусе дальневосточных археолого-этнографических реалий.

Изделие было подарено Институту истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне Институт археологии и этнографии СО РАН) средней школой с. Мариинского Ульчского р-на Хабаровского края во время состоявшейся летом 1968 г. археологической

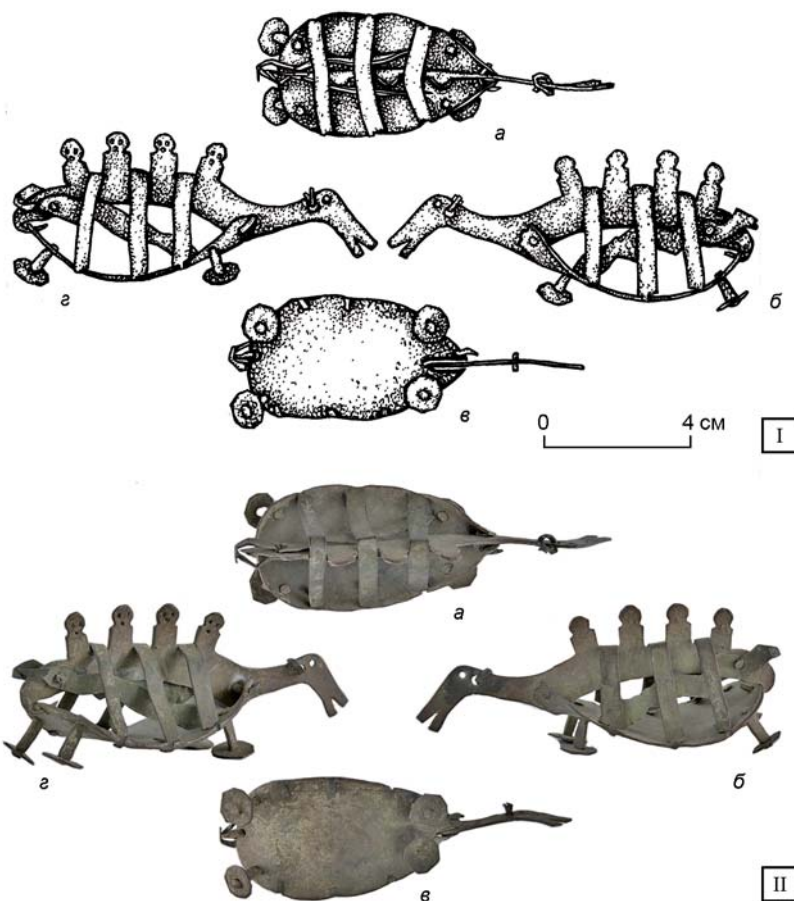

Рис. 1. Медная фигурка птицы (I – рисунок; II – фотография). Бывшее стойбище Удан, Ульчский р-н Хабаровского края.
а – вид сверху; б, г – вид с боков; в – вид снизу.

экспедиции под руководством академика А. П. Окладникова (участие в ней принимал один из авторов публикации – В. Е. Медведев). Согласно полученной в школе информации, фигурка была найдена ее учащимися в непосредственной близости от названного села на месте или рядом с существовавшим, судя по всему, еще в первых десятилетиях прошлого века ульчским стойбищем Удан. Обстоятельства точного расположения артефакта не установлены. Известно лишь, что школьников заинтересовало место проживания когда-то людей в небольшом, как рассказывали старожилы села, стойбище на прибрежном участке правого берега Мариинской протоки Амура, где и обнаружили находку. Не исключено при этом, что эта вещь могла быть связана с местом погребения покойных стойбища. Об этом может косвенно свидетельствовать расположенное в нескольких десятках метров от него кладбище, существовавшее по меньшей мере с середины XIX в., когда русскими в 1853 г. был заложен Мариинский пост, а рядом с ним на о. Сучу поселилась сотня конных казаков, образовав станицу Сучу [Медведев, 2008, с. 264–265].

Задача настоящей работы – атрибуция редкой реалии, связь ее с религиозно-мифологическими пред-

ставлениями коренных обитателей нижнего Амура, а также выявление культурно-исторических истоков предмета.

Фигурка изготовлена из медных пластин толщиной 1–1,5 мм. Все ее детали выполнены аккуратно, главным образом с помощью зубила с последующей обработкой способамиковки и клепки. Наружные торцовые края предмета были тщательно зашлифованы при изготовлении, а также надо полагать, затерты во время длительного использования его владельцем (рис. 1).

Основу фигурки составляет изображение птицы с максимальной длиной верхней части туловища 9,8 см. У птицы отчетливо выражена голова длиной 2,1 см с открытым клювом и глазом в виде круглого отверстия вверх. У пернатого длинная, под стать голове, шея (1,8 см), плавно переходящая в верхнюю основую продолговатого туловища. Конец хвоста птицы показан загнутым вниз и придерживающим выпуклую корытообразную брюшную часть туловища, прикрепленную спереди заклепками в грудной точке фигуры. Общая длина овально-вытянутого живота 6,2 см при ширине 3,3 см. Спереди и сзади этой части птицы

имеются по два шпенька со шляпками на концах, которые, очевидно, служили ее лапками, позволявшими располагать фигурку на горизонтальной поверхности.

Центральное место в изображении птицы, представляющее собой смысл и ее назначение, занимают четыре антропоморфных фигурки высотой 1,1 см с округленными головами в виде личин, на которых ямочками обозначены детали лица и прямоугольными туловищами-пеньками, образованными заодно с туловищем птицы и как бы вырастающими из нее. Их облик соответствует образу сэвэнов – духов-покровителей шаманов. В промежутках между сэвэнами располагается три узких длинных пластинки, огибающих с обеих сторон птицу и, скорее всего, имитирующих ее крылья. За «дополнительные» сложенные крылья можно также признать закрепленные под верхней половиной туловища птицы у ее хвостового окончания двух удлинненно-зигзагообразных заостренных на концах пластин длиной 5,3 см. Фигурка птицы с ее спутниками могла располагаться не только горизонтально, как сказано выше, но и быть подвешенной на шнурке, например, к костюму шамана, о чем свидетельствует отверстие с остатками металлического колечка у глаза пернатого существа,

а также колечко, образованное задними концами «дополнительных» крыльев. Говоря в целом о птице, изображенной с вытянутой, устремленной вперед шеей и головой, следует считать, что она показана в позе полета.

Образ птицы среди особо почитаемых существ, символизирующих по представлениям древних людей божественную силу, известен благодаря памятникам археологии, начиная с эпохи палеолита. На протяжении тысячелетий поклонение птице человеком проявлялось в самой различной, порой глобальной, форме. К примеру, древние египтяне происхождение солнца связывали с ликом пернатых существ. У иных племен и народов птицы считались символами покровительства богов. В мифологии многих этносов Тихоокеанского мира происхождение земной тверди связывается с водоплавающими птицами, якобы доставшими со дна океана грунт, послуживший основой земли. В свидетельствах археолого-этнографического содержания имеется немало представлений о птице как посреднике между человеком и духами.

Наиболее ранние скульптурные и наскальные изображения птиц на нижнем Амуре связаны с Сакачи-Алянским комплексом археологических объектов. В 1969 г. при разведывательных раскопках у с. Сакачи-Алян (памятник Нижний пункт) в нижнем слое грунта, относящемся к осиповской культуре начального неолита возрастом 10–12 тыс. лет (прежнее определение мезолитическое), была найдена кремневая фигурка птицы с длинным туловищем и короткой головой, оформленная двусторонней мелкой ретушью и по форме не относящаяся к водоплавающим пернатым [Окладников, 1971, с. 86, с. 87, рис. 25; Okladnikov, 1981, fig. 49]. Среди сакачи-альянских петроглифов на валунах базальта также имеются изображения птиц, во многом аналогичные кремневой птичьей фигурке [Окладников, 1971, с. 149, табл. 13, 1; Okladnikov, 1981, fig. 52].

Петроглифы у с. Шереметьево на Уссури представлены изображениями водоплавающих птиц, включая, судя по всему, уток (гагары) и лебедей [Окладников, 1971, с. 254, табл. 118, 1, с. 265, табл. 129, 2, 3; с. 329, табл. 192; Okladnikov, 1981, fig. 51]. Шереметьевские птицы показаны на скалах значительно позже сакачи-альянских. Они выполнены в поздней фазе малышевской – начале вознесенновской культур среднего и позднего неолита.

Выразительная фигурка водоплавающей гагары была обнаружена при раскопках в 1975 г. жилища малышевской культуры [Okladnikov, 1981, fig. 58]. Орнитоморфный образец длиной 4,5 см реалистично изготовлен из обожженной глины в сидячей или плывущей позе. У фигурки продолговатая голова с мелкой ямочкой-глазом вверху и с подчеркнуто вытянутым клювом, вертикально поставленная шея, переходящая в туловище с нарочито выпуклой грудью и зауженной задней частью, оканчивающейся плоско-

уточенным хвостом. Снизу туловища имеются два небольших налета, которые можно воспринимать за лапки. Данный керамический образец мелкой пластики, располагавшийся на полу центральной части жилища, служил, скорее всего, в качестве культовой принадлежности или амулета обитателей жилого сооружения типа полуземлянки.

Там же, на о. Сучу в жилище 1 малышевской культуры (раскоп II 1973 г.) у стенки в углу, служившим местом домашнего святилища, в специально вырытой ямке было выявлено скопление сравнительно миниатюрных керамических предметов мелкой пластики, представляющих собой набор своеобразного «ожерелья». На всех семнадцати образцах, включающих пять фигурок птиц, имеются сквозные круглые отверстия, предназначавшиеся, надо полагать, для шнура [Okladnikov, 1981, fig. 57; Медведев, 2022, с. 39; с. 41, рис. 3, 4; с. 43, рис. 6]. Все птицы, принадлежащие в соответствии с определением орнитологов Института систематики и экологии животных СО РАН к семейству чистиковых, относятся к числу превосходных пловцов и ныряльщиков. Говоря в целом об «ожерелье», в состав которого, кроме птиц, входили двуконечные фаллические фигурки с изображением тюленя на одном конце, а также сосудики разных форм, можно заключить, что эта уникальная сакральная реалья нового каменного века, очевиднее всего, принадлежала отправителю культовых актов и хранителю святилища.

Отдельные скульптурные изображения птиц (в основном в обломках) выявлены при исследовании памятников кондонской культуры рубежа раннего и среднего неолита Нижнего Приамурья. В частности, при раскопках памятника Харпичан-4 в долине р. Девятки (Солнечный р-н Хабаровского края) обнаружены две небольшие каменные фигурки, из которых одна – в виде головы хищной птицы, другая – также представляет собой скульптурку головы птицы с удлинённым клювом, выполненную из плоской гальки с отверстием для подвешивания на конце клюва [Малявин, 2008, с. 152, рис. 1, 3, 6]. Есть фигурки птиц, их обломки также в памятниках вознесенновской поздненеолитической культуры. Оригинален, к примеру, фрагмент краснолощеного обрядово-ритуального сосуда с барельефным изображением клюва совы, найденный при раскопках объектов Тахтинского культового центра [Okladnikov, 1981, fig. 59].

Видное место образ птицы занимает в искусстве, ритуальных принадлежностях (подвески, поясные аксессуары) чжурчжэньской средневековой культуры Амура. К числу показательных относится бронзовая фигурка шамана с птицей на голове, обнаруженная в процессе работ Амуро-Уссурийского археологического отряда на острове оз. Болонь поблизости от современного с. Ачан [Медведев, 1979, с. 213, рис. 4].

Обращаясь к ритуально-обрядовой практике коренных народов Нижнего Приамурья, следует отме-

Рис. 2. Изображение сэвэна на деревянной птице. Удэгейцы, середина XX в. Высота 16,5 см (по: [Искусство народов Приамурья, 2012, с. 71, рис. 50]).

тить, что орнитоморфный образ в ней многофункционален и обладает глубокой семантикой, сочетая в себе зародившиеся в древности черты духа-покровителя, помощника и первопредка. Исследователи выделяют несколько аспектов его сакральной природы.

В традиционной культуре нанайцев главным мифологическим персонажем, причастным к сотворению мира, выступает птица *Кори* (*Коори*). В ритуальной пластике она персонифицирована как дух-спутник шамана, помогающий ему совершать перелеты в мир мертвых (*бун*) (рис. 2). Культовая деревянная скульптура изображает ее в полете – с вытянутой шеей, расправленными крыльями и хвостом [Сэвэны, 2012, с. 178].

С образом *Кори* тесно связаны сакральная топография и родовые предания. Л. Я. Штернбергом зафиксирован один из эпизодов «Легенды о трех солнца», где птица выступает одновременно как демоническая сущность и прародитель нанайских родов. Согласно мифу, отважный стрелок (*Хад*) на горном хребте Хехцир (расположенном выше Хабаровска) подстрелил огромную птицу, величиной «с амбар». Тяжело раненная *Кори* долетела до реки Горин, где скончалась. Собравшиеся люди сварили ее мясо и разделили, что легло в основу родовой дифференци-

ации: представители рода *Заксор* получили «заднюю часть колена», *Бельды* – «верхнюю часть колена», *Тумали* – грудь, *Оненко* – крестец, а *Ходжер* – живот [Штернберг, 1933, с. 503].

Место падения мифического существа нашло детальное отражение в топонимике горинских нанайцев. Речь идет о цепи горных возвышенностей, утесов в районе реки Девятка и прилегающих прибрежных участках, чьи локальные истории объединены в единый цикл. Начало событий связано с рассеченной надвое сопкой под названием *Дёколо*. По преданию небесная дева *Пудин* расколола вершину сопки, пытаясь убить дьявола *Дэнгсэле*. На его защиту явилась *Кори*, которую *Пудин* впоследствии поразила. Тело птицы скатилось по склону, обжигая все на своем пути и разбрасывая белые «кости-камни». Нижняя часть склона горной гряды получила название *Кори Дувэни* («конец птицы *Кори*»). Ровная площадка у подножия, где *Кори* упала, называется *Сэвэки* или *Пиама*; последнее название интерпретируется как место предков нанайского рода *Самандё* [Мальцева, 2009, с. 109–111].

Известна и положительная ипостась птицы *Кори*, выступающей как активный участник в деторождении. Именно этот аспект нашел воплощение в декоративном искусстве нанайцев. На спинках женских свадебных халатов в структуре ячеистого орнамента размещали стилизованные изображения птиц. Такое оформление служило благопожеланием будущей матери: птицы символизировали «дарителей» и «охранителей» детских душ [Сем, 1973, с. 220–224].

В галерее орнитоморфных образов тунгусо-маньчжурских народов ряд видов включен в шаманскую картину мира: они выступают в роли духов-помощников либо демиургов – создателей земной тверди и небесных светил. В большинстве случаев их отождествляли с орлами, лебедями, утками, петухами, изображения которых традиционно наносили на одежду в технике вышивки [Иванов, 1963, с. 383–386]. Согласно полевым материалам А. В. Смоляк (записанным от ульчской шаманки Алтаки Ольчи), в состав «духовной свиты» шамана входил и филин *уксара*, помогавший ему в земном мире [Смоляк, 1991, с. 90].

В космогонии нанайцев и ульчей в числе творцов земли присутствует и водоплавающая птица. Согласно их представлениям, гагара (утка) *гаса*, создала сушу, ныряя и поднимая со дна первозданного океана кусочки ила. Образ этой птицы являлся обязательным элементом оформления носовой части нанайской лодки – в виде плоскостного стилизованного изображения на бересте либо деревянной скульптуры. Ее символическая функция на судне заключалась в содействии рыбалке и речной навигации (рис. 3) [Сем, 1973, с. 158–159].

Акцент на образе гагары (утки) в декорировании лодки указывает на многогранность функций, которые водоплавающая птица выполняла в сакральной

сфере у нижнеамурских народов: она выступала помощником рыбаков, демиургом и одновременно воплощением водной стихии. У амурских нивхов гагара и вовсе считалась «самой главной водяной птицей» [Штернберг, 1933, с. 315].

Черты птицы-ныряльщика отчетливо прослеживаются в комплексе ритуальных предметов нанайцев. В преддверии рыбалки «хозяину воды» – *Тэму* или *Муэ Дуэнтэни*, отправляли подношение в специальной ритуальной посуде *Намо гасани* в форме водоплавающей птицы или рыбы. Такая чаша имеет углубление в овальном уплощенном «туловище». Один бортик пятиугольной формы обозначает хвост; другой, суженный до острого угла, – голову птицы. В некоторых случаях голова изображалась на длинной вытянутой шее. Фигура сэвэна *Гаса* передает очертания водоплавающей птицы с уплощенным туловищем, где выделены клиновидная голова на вытянутой шее и сложенные крылья. Иногда хвост обозначался коротким трапецевидным выступом [Сэвэны, 2012, с. 50, 74, 104, 172, 179].

В шаманском пантеоне утка (гагара) *гаса* занимает одно из центральных мест наряду с кукушкой *бун* *гаса* [Смоляк, 1976, с. 141; Штернберг, 1933, с. 503]. П. П. Шимкевич описывает «бурхана» *Пурги* – лечебный атрибут, создаваемый по указанию шамана. Данная скульптура из сушеной травы представляет собой птицу (*гаса*), на которой закреплена антропоморфная фигурка (*сэжка*). К последней, в свою очередь, прикреплены еще четыре изображения птиц и пять фигурок *сэжка* (включая центральную). Подобная конструкция использовалась при лечении длительных головокружений и обмороков. Во время камлания шаман надевал ее на голову больному [Шимкевич, 1896, с. 53].

Особую роль орнитоморфные образы играли в похоронной обрядности и представлениях о загробном мире нанайцев. Л. Я. Штернберг подробно описал «большие поминки» (*касаты*), в ходе которых сильный шаман переправлял душу умершего в мир мертвых (*бун*) при помощи девяти уток *гаса*. Примечательно, что в некоторых случаях водоплавающая птица замещалась кукушкой. Шаман в состоянии экстаза повествовал о трудностях пути: «Едем вниз по реке ...увидели лисицу...стрелял, не попал...по краю побережья со льдом ...дорога трудная ...потерянная душа ...приехали в *бун*...нашел место...Дети без отца, без матери, начальство не позаботится ли о них» – завершая камлание словами: «...Ну, теперь назад на своей кукушке поедem!». Возвращение шамана из иномирья сопровождалось ритуальным поворотом деревянной фигуры птицы, подвешенной внутри шалаша *утон* [Штернберг, 1933, с. 486–488, 490].

А. М. Золотарев приводит сведения из камлания ульчского шамана на девятый день больших поминок («день *кори*»), когда тот условно «очищает дорогу» в загробный мир (*були*), имитируя голоса птиц-помощников. В их перечне упоминаются кукушка

Рис. 3. Изображение птицы в носовой части берестяной лодки. Без масштаба. Музей Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Владивосток.

(*кеку*), *туну*, *топто*, *джурульда*, *сихгельди*, *вальба* и филин (*оксара*). Подражая кукованию, шаман призывал покойного откликнуться и «обрести плоть», чтобы заговорить с живыми. В этот же день в каждое жилище заносили на шесте двухметровую деревянную фигуру кори, на которую подвешивали связки юколы [Золотарев, 1939, с. 159–160].

Согласно традиционным представлениям нанайцев и ульчей, птица не только сопровождает души в *бун*/ *були*, но и участвует в круговороте деторождения. Доставляя умерших в мир предков, шаман одновременно берет с ветвей Мирового древа души нерожденных детей в облике неоперившихся уток и приносит их матерям [Штернберг, 1933, с. 491]. Символично, что в нанайском селе Диппы для обозначения «души – птички» использовался термин *омиани гасуа* (производный от *гаса/ гасуа* – «уточка»), а верховые нанайцы – название *омиалду* («утенок»). На этом же древе (*конгор дягда яло туйге*) обитает великая птица *кори*, на которой шаман возвращается в мир живых после завершения обряда, после чего она в составе свиты главных духов-помощников отлетает на шаманскую территорию – *дэргиль* [Лопатин, 1922, с. 317; Смоляк, 1991, с. 107, 164, 233; Штернберг, 1993, с. 496].

Модель мира, населенного духами-помощниками, нашла отражение и в структуре шаманского головного убора, использовавшегося исключительно для финального поминального обряда. Его основу составляет шапка из лосиной шкуры с оленьими рогами *курукту*, между которыми неизменно размещался орнитоморфный элемент: железная, жестяная или деревянная фигурка птицы *гаса*. Нашитые на облачение большого шамана колокольчики во время его странствия в *бун* превращались в разных птиц – *бун гаса* [Лопатин, 1922, с. 264; Штернберг, 1933, с. 495].

Обобщая данные В. Диосеги, П. П. Шимкевича, И. А. Лопатина и А. П. Окладникова, А. В. Смоляк

провела параллели между маньчжурской и нанайской мифологиями. Она выдвинула гипотезу, что навешенные шапки в виде рогов символизируют шаманское древо (у нанайцев – корни мифического дерева), на ветвях которого восседают птицы-души [Смоляк, 1991, с. 233].

Само ритуальное облачение амурских шаманов имитировало птичий облик: к халатам на лопатках и локтевых сгибах прикрепляли перья утки, курицы, коршуна или орла, что должно было способствовать способности медиума к сакральному полету. Птичья тематика доминировала и в оформлении культовых столбов *тороан*, на вершинах которых обязательно устанавливали скульптурные изображения птиц, символизовавших чаще кукушек. Считалось, что эти птицы возносят шамана на небо для общения с божеством. Кроме того, кукушки вместе с другими «птицами мира мертвых» (*буни гаса*) выполняли важнейшую инициатическую функцию: перед отправкой в загробный мир они трансформировали душу умершего человека, также придавая ей облик птицы [Смоляк, 1991, с. 222, 246–247].

Таким образом, в культуре народов Нижнего Амура, в т.ч. ульчей, орнитоморфный образ обладает исключительной универсальностью. Воплощенный в облике водоплавающей птицы, которая, надо полагать, изображена в уданской фигурке, а также кукушки или мифической Кори, он выступает в качестве элемента промысловой магии, обеспечивает сопровождение душ в мир предков и содействует шаману в его сакральной миссии. Символически участвуя в процессе деторождения, эти образы воплощают ключевую для традиционного мировоззрения идею цикличности бытия. Наличие образов водоплавающих птиц и кукушки в картинах мира народов Сибири, Дальнего Востока и Севера указывает на тесные культурные связи Амура с этими регионами, уходящие корнями в глубокую древность.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0002 «Общее и особенное в траекториях развития древних культур Востока и Юго-Востока Евразии от эпохи камня до Средневековья».

Список литературы

Деревянко А. П., Медведев В. Е. Исследование поселения Гася: предварительные результаты, 1989–1990 гг. – Новосибирск: [б. и.], 1995. – 64 с.

Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. – Хабаровск: Дальгиз, 1939. – 206 с.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX века). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 502 с.

Искусство народов Приамурья. XI–III тыс. до н.э., IX–XIII вв., XIX – начало XXI в. – Хабаровск: Мин. культуры

Хабаровского края, Дальневосточн. худ. музей, 2012. – 279 с. (на рус. и англ. яз.).

Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. – Владивосток: [б. и.], 1922. – 371 с.

Мальцева О. В. Горинские нанайцы: система природопользования. Традиции и новации (XIX – начало XXI века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 184 с.

Малявин А. В. Харпичан-4: многослойный неолитический памятник (Приамурье) // Окно в неведомый мир: сб. ст. к 100-летию со дня рождения академика А. П. Окладникова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 150–155.

Медведев В. Е. О некоторых находках чжурчжэньской культуры на Нижнем Амуре // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 207–215.

Медведев В. Е. Ископаемые материальные остатки русских поселенцев на Амуре середины XIX в. // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. – Омск: Апельсин, 2008. – С. 263–267.

Медведев В. Е. Керамическое «ожерелье» – культовая обрядовая реальность нижеамурского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2022. – Т. 50, № 4. – С. 39–48.

Окладников А. П. Петроглифы нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 335 с.

Сем Ю. А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX – середина XX в.). Владивосток, 1973. – 314 с.

Смоляк А. В. Представления нанайцев о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 129–160.

Смоляк А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение. – М., Наука, 1991. – 280 с.

Сэвэны. Каталог культовой скульптуры из собрания ХКМ им. Н. И. Гродекова / авт.-сост.: Г. Т. Титорева. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2012. – 206 с.

Шимкевич П. П. Материалы для изучения шаманства у гольдов // Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. – Т. II, вып. I. – Хабаровск: Тип. канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1896. – 133 с.

Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 740 с.

Okladnikov A. Ancient Art of the Amur Region. – Leningrad: Aurora Art Publ., 1981. – 160 p.

References

Derevyanko A. P., Medvedev V. E. Issledovanie poseleniya Gasya: predvaritel'nye rezul'taty, 1989–1990 gg. Novosibirsk: [s. n.], 1995. 64 p. (In Russ.).

Ivanov S. V. Ornament narodov Sibiri kak istoricheskii istochnik (po materialam XIX – nachala XX veka). Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1963. 502 p. (In Russ.).

Iskusstvo narodov Priamur'ya. XI–III tys. do n. e., IX–XIII vv., XIX – nachalo XXI v. Khabarovsk: Min. kul'tury Habarovskogo kraja, Dal'nevostochn. hudozhestv. muzej, 2012. 279 p. (In Russ.).

Lopatin I. A. Gol'dy amurskie, ussuriiskie i sungariiskie. Vladivostok: [s. n.], 1922. 371 p. (In Russ.).

Maltseva O. V. Gorinskie nanaitsy: sistema prirodopol'zovaniya. Traditsii i novatsii (XIX – nachalo XXI veka). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009. 184 p. (In Russ.).

Malyavin A. V. Kharpichan-4; mnogoslownyi neoliticheskii pamyatnik (Priamur'e). In *Okno v nevedomyi mir: sb. st. k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika A.P. Okladnikova*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008. P. 150–155. (In Russ.).

Medvedev V. E. O nekotorykh nahodkakh chzhurchzhjen'skoj kul'tury na Nizhnem Amure. In *Novoe v arheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk: Nauka, 1979. P. 207–215. (In Russ.).

Medvedev V. E. Iskopaemye material'nye ostatki russkikh poselencev na Amure serediny XIX v. In *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovanijah: sb. nauch. st.* Omsk: Apel'sin, 2008. P. 263–267. (In Russ.).

Medvedev V. E. Ceramic "Necklace": A Neolithic Ritual Artifact from the Lower Amur. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2022. Vol. 50, No 4. P. 39–40.

Okladnikov A. Ancient Art of the Amur Region. Leningrad: Aurura Art Publ., 1981. 160 p.

Okladnikov A. P. Petroglify nizhnego Amura. Leningrad: Nauka, 1971. 335 p. (In Russ.).

Sem Y. A. Nanaisy. Material'naya kul'tura (vtoraya polovina XIX – seredina XX v.). Vladivostok: AS USSR Publ., 1973, 314 p. (In Russ.).

Shimkevich P. P. Materialy dlja izuchenija shamanstva u gol'dov. In *Zapiski Priamurskogo otdela Imperatorskogo*

Russkogo Geograficheskogo Obshhestva. Vol. II, iss.1. Khabarovsk: Tip. kanceljarii Priamurskogo general gubernatora, 1896. 133 p. (In Russ.).

Shternberg L. Y. Giljaki, orochoi, gol'dy, negidal'cy, ajny. Khabarovsk: Dal'giz, 1933. 740 p. (In Russ.).

Sjevjeny. Katalog kul'tovoj skul'ptury iz sobranija HKM im. N.I. Grodekova/ Avtor-sostavitel': G.T. Titoreva. Khabarovsk: Habarovskij kraevoj muzej im. N. I. Grodekova, 2012. 206 p. (In Russ.).

Smoljak A. V. Predstavlenija nanajcev o mire. In *Priroda i chelovek v religioznykh predstavlenijah narodov Sibiri i Severa (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.)*. Leningrad: Nauka, 1976. P. 129–160. (In Russ.).

Smoljak A. V. Shaman: lichnost', funkcii, mirovozzrenie. Moscow: Nauka, 1991. 280 p. (In Russ.).

Zolotarev A. M. Rodovoi stroi i religiya ul'chei. Khabarovsk: Dal'giz, 1939. 206 p. (In Russ.).

Медведев В. Е. <https://orcid.org/0000-0002-4087-0364>

Мальцева О. В. <https://orcid.org/0000-0003-3694-7434>

Дата сдачи рукописи: 18.05.2026 г.